

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.Г. Павленко

д.э.н., профессор, Институт экономики РАН, Москва

ТРАДИЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируется кризисное состояние современного государства и экономики в контексте попыток демонтажа социального государства, в рамках процесса либерализации экономики. Кризисные явления в экономике вынуждают заняться поиском альтернативных путей развития как экономики, так и общества в целом. Отмечается наличие ценностного кризиса, который выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма, и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики.

Рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся исторической практики либерализма, противоречия традиционного либерализма в рамках дихотомии свободы и демократии.

Отмечается такое относительно новое явление в мировой экономике, когда снижение темпов экономического роста сопровождается ростом социального неравенства, что противоречит каноническим представлениям о соотношении данных показателей, распространенным в среде представителей экономического мейнстрима.

Анализируется такое широко распространенное явление, как бюрократизм, в качестве одного из проявлений системного кризиса. Показывается негативная роль проявлений бюрократизма в инновационном развитии и, в частности, в развитии научной сферы. Рассматриваются некоторые механизмы и методы «бюрократического продвижения» в научной сфере.

Критически анализируется доктрина минимального государства в ее противопоставлении с концепцией государства всеобщего благосостояния. В работе предлагается более сбалансированный взгляд на практику «реального социализма» и использования некоторых достижений этой модели в построении конвергентной социальной модели, использующей как достижения государства всеобщего благосостояния, так и «модели «реального социализма».

Ключевые слова: *социальное государство, конвергенция, бюрократия, либерализм, модель.*

Классификация JEL: B25, I3, O35, O38, O43, P30.

Понятие «традиционная ориентация» в данной статье не имеет отношения ни к физиологии, ни к психологии. Речь идет о направлении движения социума, траектории социально-экономического развития в рамках традиции социального государства, традиции, сформировавшейся начиная со второй половины XX в. в форме государства всеобщего благосостояния (*welfare state*) на Западе и в практике так называемого «реального социализма» – на Востоке. В экономическом аспекте речь идет о процессах социализации экономики, при которой экономический механизм, рынок подчиняются реализации социальных целей. Идеология и практика социального государства получила широкую поддержку у населения, что нашло свое отражение в конституциях многих стран, включая Россию.

Начиная с 70-х годов прошлого века в мире предпринимаются попытки демонтажа социального государства в рамках процесса либерализации экономики. В последние годы данный процесс все чаще сопровождается не только кризисными явлениями в экономике, но и глубоким кризисом, носящим системный характер, что вынуждает искать альтернативные пути развития как экономики, так и общества в целом. В работе делается попытка

обосновать необходимость возврата к ставшей уже традиционной социальной ориентации государства, разумеется, в новых формах, учитывающих как положительный, так и отрицательный опыт его существования на Западе и на Востоке. Такое обоснование, как нам представляется, можно начать с критики либеральной социально-экономической модели, затем представить основные черты альтернативной модернизированной модели социального государства, и, наконец, обозначить некоторые направления и механизмы перехода на траекторию социальной ориентации государства.

Следует отметить, что проблемы, стоящие перед современным государством в рамках либеральной модели экономики, обострились в ходе мирового экономического кризиса 2008-2010 гг. По сути, с ним связывают сразу несколько наложившихся друг на друга кризисов. Во-первых, это очередной циклический кризис, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. Во-вторых, кризис, отражающий экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой технологической базы производства, порожденной научно-технологическим прогрессом. Такие перемены обычно связывают с Кондратьевскими циклами. В-третьих, кризис, обусловленный специфическим развитием мировой экономики в русле ее финансовой специализации и всемерного использования информационных технологий. Последние обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный, в первую очередь, обслуживать реальное производство, оторвался от ее материальной основы. Иными словами, наряду с реальной возникла иная, виртуальная экономика, которая не только лишь частично работает на реальную экономику, но и вступает с ней в отношения конкуренции и доминирования. Описанная ситуация не могла не вызвать череды кризисов, что и произошло, в частности, в рассматриваемом периоде. Некоторые специалисты указывают также на наличие назревавшего на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностного кризиса и связывают его со сменой глубинной парадигмы развития общества, при которой материальные факторы, при всей их значимости, отступают на второй план по сравнению с нематериальными [Галкин, 2010. С. 35].

Представляется, что ценностный кризис выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики. Это, во-первых, сфера идеологии, где господствует потребительство и гедонизм, архаичные формы потребления, не соответствующие современным условиям и вызовам развития; во-вторых, сфера политики, где, в рамках так называемого «общества спектакля», на первое место выступают пиар и видимость, а вместо реагирования на долгосрочные вызовы все внимание акцентируется на решении текущих, зачастую конъюнктурных задач; наконец, сфера культуры и науки, которые воспринимаются «обществом спектакля» как «не эффективные», финансируемые по остаточному принципу, а занятые в них работники не пользуются должным престижем в глазах общества [Дебор, 2000].

По мнению немецкого социолога Р. Курца, вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство сегодня, связаны с особенностями периода позднего капитализма, или, пользуясь социально-культурной терминологией, с эпохой постмодерна. Современная ситуация, по его мнению, заключается в том, что при позднем капитализме оказалась утраченной способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле с помощью индустриализации и капиталовложений как это было в предыдущий период. Капитализм сталкивается, с одной стороны, с головокружительными денежными спекуляциями, а с другой – с новыми формами «обнищания» в виде структурной безработицы и обречения большей части экономик «третьего мира» на вечную непроизводительность. Если дело обстоит именно так, то необходима другая стратегия, отличная от той, которая строилась на оптимистической оценке состояния и возможностей индустриального капитализма периода модерна [Джеймисон, 2005. С. 214]. Сегодня различные формы «обнищания»

затрагивают уже не только граждан стран третьего мира, и, соответственно, актуальность новой стратегии развития только возросла.

Политика экономической либерализации вербально в своем идеологическом обосновании и оправдании опирается на понятие «свободы». Однако со свободой в теории и практике либерализма, во всяком случае в его англо-саксонском варианте, не все так просто. В своей книге «Либерализм: контристория» (*Liberalism: A Counter-History*) итальянский историк Доменико Лосурдо, которого цитирует известный французский философ Люсьен Сэв (Lucien Sève), отмечает, что либеральная мысль никогда не была универсальной. Свободы, которых она требует для отдельных личностей, совершенно не обязательно должны быть свободами для всех, но лишь для немногих избранных. По мнению Лосурдо, речь идет о самой сути либерализма, о непосредственном антропологическом аристократизме с чертами сегрегации и дегуманизации в отношении «остальных» не избранных. Либерализм и демократия, заключает Лосурдо, никогда не были синонимами. Так известный демократ (либерал) Гюстав де Бомон (Gustave de Beaumont), сопровождавший Алексиса Токвиля в путешествии по Америке, писал об ирландцах, что «религиозные притеснения в отношении них превышали человеческое воображение». Политическая эмансипация буржуазии послужила сигналом к усилению гнета и эксплуатации не только колониальных народов, но также и английского крестьянства, а затем и городского пролетариата, третированного в работных домах и приютах [Sève, 2013. S. 10–11].

Постулат исключительности, содержащийся в идеологии либерализма, очевидно, оказывает свое влияние и на современное западное общество. Его проявлением и закономерным следствием может служить отмечаемое распространение и усиление социального неравенства даже в наиболее развитых странах. Так профессор экономики из Сорбонны Костас Вергуполос (Kostas Vergopoulos) ссылается на бывшего министра труда в администрации Б. Клинтона Роберта Рейха (Robert Reich), который указывает на обострение неравенства в США. По данным Р. Рейха, в 1978 г. средняя зарплата в год в США составляла 48 тыс. долл., а в 2013 г., в постоянных ценах, с учетом инфляции она составила 34 тыс. долл. В то же время, по словам Рейха, 400 богатейших американцев имеют столько же сколько 150 млн американцев. К. Вергуполос вполне резонно заключает, что расходы 400 человек никогда не будут равны расходам 150 млн американцев и чем больше доходы концентрируются наверху, тем больше расходы государства сокращаются в пользу сбережений и финансовой эмансипации за счет инвестиций и рабочих мест. В ситуации, когда доходы самых богатых растут не за счет роста производства, но за счет получения все большей части прибавочной стоимости, темпы экономического роста снижаются, а система «надкусывает» условия своего воспроизводства. К. Вергуполос задает риторический вопрос, требующий, как нам представляется, отдельного рассмотрения: почему игнорируется наличие причинно-следственной связи между снижением доходов большинства населения и сокращением темпов роста экономики [Vergopoulos, 2014. S. 7]?

В этой связи вспоминаются рассуждения Т. Веблена более чем столетней давности. В своей знаменитой книге, вышедшей еще в конце XIX в., Т. Веблен исследует феномен «праздного класса», слоя богатых граждан, не нуждающихся в зарабатывании на жизнь и при этом ведущих особый образ жизни. Веблен показывает, что чрезмерное неравенство в положении праздного класса и масс трудящихся парадоксальным образом служит тормозом развитию. С одной стороны, праздный класс находится в выгодном положении, не испытывая на себе давления экономических потребностей, выдвигаемых борьбой за средства существования. Следствием чего является его равнодушие к требованиям развития и реорганизации институтов, которые хоть и выдвигаются меняющейся экономической ситуацией, но не касаются представителей привилегированного класса. И потому праздный класс – это консервативный класс. С другой стороны, люди бедные, те, чьи силы поглощает повседневная борьба за существование, консервативны потому, что не могут

позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне [Веблен, 1984. С. 204–207]. Институт праздного класса и связанная с ним поляризация общества, как показывает Т. Веблен, сдерживают развитие последнего, способствуют консервации существующих социальных институтов. Таким образом, поляризация общества, с точки зрения распределения доходов его членов, служит мощным антистимулом развития.

Современная, так называемая либеральная модель экономики негативным образом сказывается и на инновационном развитии и, в частности, на развитии науки. Немаловажную роль здесь играет такое всем знакомое явление, как бюрократизм. Крупнейший специалист в данном вопросе, и можно сказать основоположник теории бюрократии, М. Вебер в своей работе *Wissenschaft als Beruf* (в русском переводе «Наука как призвание и профессия») подчеркивает, что капитализм и связанная с ним бюрократизация все новых сфер общества серьезно отражается на науке как социальном институте. Университеты превращаются в типичные государственно-частные предприятия. Отделение работника от средств производства, которое М. Вебер, вслед за К. Марксом, рассматривает в качестве одной из наиболее характерных черт капитализма, в научных организациях приобретает форму отделения исследователей от средств проведения исследований. Это, по мнению М. Вебера, негативно сказывается как на положении работников, так же как и на механизмах их отбора в организации. Углубляется личная зависимость ученых от вышестоящих лиц в академической иерархии, которая выступает уже не только в качестве иерархии знаний, но и в качестве административной иерархии, с правом применения соответствующих санкций. По словам М. Вебера, бюрократизация ведет к тому, что научные способности и достижения перестают иметь определяющее значение в академической карьере, а посредственные умы (*Mittelmassigkeiten*) начинают играть все более важную роль в жизни университетов и в академической науке [Kozyr-Kowalski, 1967. S. 33–34].

В своем главном труде «Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии» М. Вебер сформулировал основные черты бюрократического порядка, относящиеся к функциям чиновников. Такой порядок, по словам М. Вебера, в равной степени применим к частнокапиталистическим, благотворительным, или к любым другим частным, преследующим идеальные или материальные цели организациям, а также к политическим и иерократическим союзам. Чиновники, согласно М. Веберу:

- 1) лично свободны и подчиняются только в пределах служебных обязанностей;
- 2) состоят в отношениях жесткой служебной иерархии;
- 3) обладают четко определенными служебными компетенциями;
- 4) служат по контракту;
- 5) не избираются, а назначаются; отбор происходит (в случае максимальной рациональности процесса) по критерию профессиональной квалификации, которая должна быть подтверждена экзаменом и удостоверена дипломом;
- 6) имеют постоянное денежное содержание в большинстве случаев с правом на пенсию; однако при определенных условиях (особенно на частных предприятиях) контракт может быть расторгнут со стороны нанимателя, сами чиновники всегда могут подать в отставку; размер содержания определяется прежде всего иерархическим рангом, а также ответственностью позиции;
- 7) считают свою службу единственной или главной профессией;
- 8) усматривают для себя возможность карьеры (продвижения) в зависимости от срока службы или успехов в работе либо того и другого вместе, а также от суждения начальства;
- 9) работают на условиях полного отделения от средств управления и без апроприации служебного места;
- 10) подчиняются строгой единообразной служебной дисциплине и контролю [Вебер, 2016. С. 259].

Один их крупнейших специалистов по изучению трудов М. Вебера польский социолог С. Козыр-Ковальский предпринял интересную попытку проанализировать и сопоставить положения М. Вебера, содержащиеся в его критике современной ему академической науки с некоторыми аспектами его же теории бюрократии. С. Козыр-Ковальский отмечает высокую степень сходства между структурой бюрократической организации по М. Веберу и структурами научно-исследовательских и образовательных организаций, проецируя это сходство и на современные организации науки. Польский ученый приходит к выводу, что организационная структура научных организаций, социальное положение исследователей создают возможности для такого стиля восприятия науки и научной практики, который может быть весьма полезен в продвижении по ступенькам академической иерархии с точки зрения академической карьеры, но мало полезен и даже может быть вреден для развития самой науки и социальной практики. В своем анализе С. Козыр-Ковальский вводит термин «методы бюрократического продвижения», включающие в себя следующие выявленные им «методы»:

1) псевдо-эрудиция: практика помещения в сносках, библиографиях, работы, которые исследователь не только не читал, но часто даже не держал в руках; присвоение чужих взглядов и даже их критика на основе информации из вторых рук; 2) паразитизм: скрытое присвоение чужих результатов исследований; 3) ученость: прикрытие эрудицией отсутствием собственных идей или результатов исследований; 4) культ авторитетов: преклонение перед авторитетами как следствие собственной узкой специализации; 5) исследовательский минимализм: уклонение от проблем, требующих большого объема исследований или широкой гуманитарной культуры; 6) «арифметическая» или «демократическая» теории истины: принятие или отклонение той или иной точки зрения, теории, полагаясь на мнение большинства исследователей; 7) фетиш современности: явление, которое обнаружил П. Сорокин у молодых американских социологов, состоящее в том, что, по их мнению, за последние столетия в области социологических исследований не было сделано никаких существенных открытий [Kozyr-Kowalski, 1967. S. 35].

Анализируя поведение корпоративной бюрократии, проявления бюрократизма в «реальном» секторе экономики Дж. К. Гэлбрейт отмечал, что, как и любая бюрократия, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Зарплата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено [Гэлбрейт, 2009. С. 40]. По его словам, необходимо признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает предпосылки для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, которое определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому общество будет уделять особое внимание [Там же. С. 74].

Бюрократическая практика, отдающая предпочтение видимости вместо дела, проявляющаяся в различных сферах общества и экономики, включая научную деятельность, находит свое проявление в условиях современного государства эпохи постмодерна, которую З. Бауман определяет как «текущую современность». В условиях «текущей современности» государство, по мнению З. Баумана, отказывается от внедрения в жизнь проектов «совершенного общества», а также от некоторых других своих прежних функций в пользу хаотичных «слепых» сил свободной конкуренции [Бауман, 2008]. З. Бауман уточняет, что сначала речь шла об уступках со стороны государства в пользу рыночных механизмов, затем тенденция отказа государства от руководящих прерогатив распространилась на все стороны общественной жизни. (Bauman Z., Tester K. O pożytkach z wątpliwości. W-wa, 2003. S. 98). Следует отметить, что такая интерпретация поведения современного государства широко распространена среди представителей (назовем их так) «критического мейн-

стрима» в социологии и политэкономии. Однако ситуация представляется не такой простой. Убедительней выглядит точка зрения польского социолога Д. Столля (D. Stoll), который в отличие от своего старшего коллеги З. Баумана, полагает, что государство попросту изменило правила игры, однако не столько в пользу автономно функционирующего «свободного рынка», сколько в пользу социально-экономической системы в целом. По мнению Д. Столля, сегодня она функционирует иначе, но иначе в интересах правящих элит. Если раньше государство функционировало, опираясь на положения доктрины государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), то сегодня это доктрина «минимального государства» (*minimal state*) для граждан в целом, но при надежной и приоритетной защищенности интересов элит [Stoll, 2017. S. 114].

В рамках доктрины «минимального государства» меняется отношение государства к гражданам. С точки зрения предоставления услуг государство начинает трактовать своих граждан не как членов интегрированного сообщества, но как индивидуальных клиентов, потребителей услуг. Исчезает понятие коллективной ответственности за судьбу каждого члена сообщества. Ее замещает индивидуальная ответственность [Tasik, 2012. S. 112]. Такому подходу соответствует приватизация сферы социальных услуг и их подчиненность «правилам рынка». Такое отношение к сфере услуг, по мнению Д. Столля, мотивируется и чисто политическими соображениями. Тем самым подготавливается поле для определенной модели функционирования экономики, вписывающейся в культуру потребительства. Последняя представляется адекватной потребностям современных элит и капитала. С точки зрения тех, кто управляет обществом, ее, культуры потребительства, наиболее полезным качеством являются атомизация и индивидуализация общества [Stoll, 2017. S. 124].

В противоположность атомизации и индивидуализации общества альтернативная модель развития должна строиться на распространении в общественной и хозяйственной практике принципов солидарности, равенства и справедливости. В рамках современного, обновленного социального государства, как нам представляется, можно бы вернуться к идее конвергенции двух систем. В данном случае речь может идти об объединении наиболее эффективных, проверенных практикой элементов социал-демократической модели и модели «реального социализма». И здесь уместно будет привести некоторые оценки реалий «реального социализма», а также известных событий в России двухсотлетней давности. Для этого предлагается ознакомиться с высказываниями некоторых западных ученых-обществоведов.

Во-первых, что касается «реального социализма». Говоря о «реальном социализме», Люсьен Сэв отмечал, что глядя на способ, каким часто критикуют развитие социалистических стран и временные (текущие) их результаты, можно оценить степень упорного непонимания исторического материализма, которое привело к тому, что вынужденные первоначальные действия рассматриваются в качестве реализации принципиальных положений (исповедуемых принципов). Отсюда вытекает непонимание того чрезвычайно обременительного, неудобного обстоятельства, что реальный социализм очень далек от того, «каким он должен быть» [Sève, 1998. S. 269]. На принципиальную неоднозначность ситуации с «реальным социализмом» обращает внимание современный польский социолог Ежи Кохан (Jerzy Kochan). Описываемую Л. Сэвом ситуацию, он интерпретирует таким образом, что социалистическая революция – это не просто следствие развития производительных сил, уровня обобществления труда или развития капитализма в целом. Всякая революция, конечно, обусловлена развитием перечисленных факторов. Однако в реальности они накладываются тем или иным способом на конкретную классовую структуру, систему экономических интересов и на их отражение в реальной политике. Как показала историческая практика, «реальный социализм» не развивается по эволюционной прямой. Однако в реальной практике это происходит далеко не просто по эволюционной прямой [Kochan, 2014].

Во-вторых, о событии столетней давности. Заслуживает внимание оценка одного из современников событий тех давних лет, тоже французского философа Жоржа Сореля. Размышляя о степени «вынужденности» действий в ходе Октябрьской революции со стороны большевиков, Сорель пишет: «Когда придет время судить о современных событиях с исторической беспристрастностью станет заметно, что большевизм обязан значительной частью своей силы тому факту, что массы видят в нем бунт против олигархии, у которой главная забота – как бы не выглядеть русскими... Россия терпеливо переносит большие страдания, потому что чувствует, что ею наконец правит подлинный москвит» [Сорель, 2013. С. 275]. И последняя цитата, на сей раз немецкого экономиста и философа К. Маркса, написавшего, что Россия может «не испытывая мук капиталистического строя завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» [Маркс, 1961. С. 119]. Как видим, и отношение к «реальному социализму», и отношение к событию, послужившему толчком к его созданию, скорее всего, нуждается в максимально сбалансированной оценке и признании постулата сложности и противоречивости эволюционного развития социально-экономических систем. Последнее обстоятельство направляет нас к тому, чтобы в понимании процессов, а также в формировании эффективных концепций развития избегать стереотипных и банальных представлений и решений.

Вернемся к конвергенции. Преимущество первой (социал-демократической модели) социального государства заключалось в ее способности обеспечить высокий уровень массового потребления граждан. Преимущество второй (модели «реального социализма») – в наличии эффективных механизмов мобилизации ресурсов догоняющего, а в некоторых сферах и опережающего развития. К таким механизмам можно отнести механизмы стратегического планирования и прогнозирования. В предлагаемой конвергентной модели можно было бы избежать перегибов безудержного потребительства, с одной стороны, и жесткого «мобилизаторства» и аскетизма – с другой. В основе такой модели должны лежать: во-первых, креативно – инновационная экономика, ориентированная на приоритетное развитие человеческого потенциала, в качестве экономического базиса развития; и, во-вторых, обновленное социальное государство, ориентирующее граждан не на потребление, а на творчество, солидарность и справедливость.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауман З. (2008). Текущая современность. СПб.: Питер.
- Вебер. М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. М.: ГУ ВШЭ. Т. I. Социология.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Галкин А.А. (2010). Социал-демократия у развилки // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С.
- Гэлбрейт Дж.К. (2009). Экономика невинного обмана. М.: Европа.
- Дебор Г. (2000). Общество спектакля. М.: Логос.
- Джеймисон Ф. (2005). Реально существующий марксизм // Логос. М.: №3. С. 208–246.
- Маркс К. (1961). Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Сорель Ж. (2013). Размышления о насилии. М.: Фаланстер.
- Bauman Z., Tester K. (2003). O użytkach z wątpliwości. W-wa.
- Kochan J. (2014). Co to jest realny socjalizm? http://www.socjalizmteraz.pl/pl/Artykuly/?id=567/Co_to_jest_realny_socjalizm.
- Kozyr-Kowalski S. (1967). Max Weber a Karol Marks. W-wa.
- Sève L. (2013). Liberalizm ideologią rasy panów // *Le Monde diplomatique* (edycja polska). Nr 6 (88) czerwiec. S. 10–11.
- Sève L. (1998). Próba wprowadzenia do filozofii marksistowskiej. W-wa. S. 269.
- Stoll D. (2017). Płynna nowoczesność a neoliberalizm. W-wa.
- Tacik P. (2012). Socjologia Zygmunta Baumana. W-wa.
- Vergopoulos K. (2014). Nierówności społeczne zabijają gospodarkę // *Le Monde diplomatique* (edycja polska) No. 6 (100) czerwiec. S. 7.

Павленко Юрий Григорьевич

yupavl83@mail.ru

Yuri Pavlenko

Doctor Habilitatus in Economics, Professor, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

yupavl83@mail.ru

TRADITIONAL ORIENTATION OF THE STATE: POLITICAL ECONOMY ASPECT

Abstract. The article analyzes the crisis condition of the modern state and economy in the context of attempts to dismantle the welfare state, as part of the process of liberalization of the economy. Crisis condition in the economy, forced to seek alternative ways of development of both the economy and society as a whole. The existence of a value crisis, which acts as an integral part of the systemic crisis of modern capitalism, and finds its manifestation in areas outside the economy itself, is noted. Some questions are considered concerning the historical practice of liberalism, the contradictions of traditional liberalism in the framework of the dichotomy of freedom and democracy. There is such a relatively new phenomenon in the global economy, when a slowdown in economic growth is accompanied by the growth of social inequality, which contradicts the canonical ideas about the ratio of these indicators, common among representatives of the economic mainstream. Such a widespread phenomenon as bureaucracy as one of the manifestations of a systemic crisis is analyzed. The negative role of bureaucratic manifestations in innovative development and, in particular, in the development of the scientific sphere is shown. Some mechanisms and methods of “bureaucratic advancement” in the scientific sphere are being considered. The doctrine of the minimal state is critically analyzed in its opposition to the concept of the welfare state. The paper proposes a more balanced view of the practice of “real socialism” and the use of some achievements of this model in building a convergent social model that uses both the achievements of the welfare state and the model of “real socialism”.

Keywords: *welfare state, convergence, bureaucracy, liberalism, model.*

JEL Classification: B25, I3, O35, O38, O43, P30.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008). *Tekuchaya-sovremennost*. [Flowing modernity]. Spb.: Piter.
- Bauman Z., Tester K. (2003). *O pożytkach z wątpliwości*. [On the benefits of doubt]. W-wa.
- Dzhejmison. F. (2005). *Realno sushchestvuyushchij marksizm* [Actually Existing Marxism] // *Logos-M*. № 3. S. 208–246.
- Galkin A.A. (2010). *Social-demokratiya u razvilki* // *Social-demokratiya v sovremennom mire -materialy mezhdunarodno nauchno-prakticheskoy konferencii: krizis evropej skoj social-demokratii-prichiny, formy proyavleniya, puti-preodoleniya*. [Social democracy at the fork // Social-Democracy in the modern world: Materials of the international scientific-practical conference “Crisis of European Social-Democracy: causes, forms of manifestation, ways to overcome”]. M.: Klyuch-S.
- Gebor G. (2000). *Obshchestvo spektaklya*. [Performance society]. M.: Logos.
- Gehlbreit Dzh.K. (2009). *Ehkonomika nevinного obmana*. [The economy of innocent cheating]. M.: Evropa.
- Kochan J. (2014). *Co to jest realny socjalizm?* [What is real socialism?]. http://www.socjalizmteraz.pl/pl/Artykuly/?id=567/Co_to_jest_realny_socjalizm
- Kozyr-Kowalski S. (1967) *Max Weber a Karol Marks*. [Max Weber and Karl Marks]. W-wa.
- Marks K. (1961) *Pismo v redakciyu „Otechestvennyh-zapisok”*. [Letter to the editors of “Notes of the Fatherland”]. Marks K. Engels F. *Soch*. 2-e izd. T. 19.
- Sève L. (1998). *Próba wprowadzenia do filozofii marksistowskiej*. [An Attempt to Introduce to Marxist Philosophy] W-wa.
- Sève L. (2013). *Liberalizm ideologią rasy panów*. [Liberalism is the ideology of the master race] // *Le Monde diplomatique* (edycja polska). Nr 6 (88) czerwiec. S. 10–11.
- Sorel. Zh. (2013). *Razmyshleniya o nasilii*. [Reflections on Violence]. M.: Falanster.
- Stoll D. (2017). *Płynna nowoczesność a neoliberalizm*. [Liquid Modernity and Neoliberalism]. W-wa.
- Tacik P. (2012). *Socjologia Zygmunta Baumana*. [Sociology of Zygmunt Bauman]. W-wa.
- Veber M. (2016). *Hozyajstvo i obshchestvo-ocherki ponimayushchej sociologii v 4 t*. [Economy and society: essays of understanding sociology in 4 vol.]. M.: GU-VSHE. T. 1. *Sociologiya*.
- Veblen T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa*. [Theory of the leisure class]. M.: Progress.
- Vergopoulos K. (2014). *Nierówności społeczne zabijają gospodarkę*. [Social inequalities kill the economy] // *Le Monde diplomatique* (edycja polska) Nr 6 (100) czerwiec. S. 7.